

КОНЦЕПЦИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу концепции гибридной войны как политологического и управленческого явления, приобретшего особую актуальность в условиях современных геополитических вызовов. Автор рассматривает гибридную войну не только как форму косвенного противоборства государств, но и как многоуровневый проект, включающий стратегическое планирование, оценку ресурсов, анализ сильных и слабых сторон противника, а также учет стохастических факторов международной политики. Особое внимание уделяется роли информационных, диверсионных и экономических методов, которые используются в качестве инструментов «мягкой силы» для воздействия на политические процессы в других государствах. На примере российско-украинских отношений показано, как элементы гибридной стратегии — информационные кампании, экономическое давление, электоральное влияние и подготовка оборонного потенциала — могут трансформироваться в более масштабное военное противостояние. Подчеркивается, что гибридная война в российской концепции безопасности воспринимается как средство стратегического сдерживания, направленное на предотвращение угроз национальному суверенитету. Делается вывод о том, что гибридные методы становятся неотъемлемой частью современной внешнеполитической практики крупных держав и оказывают значительное воздействие на баланс сил в международных отношениях.

Ключевые слова: гибридная война, национальная безопасность, концепция национальной безопасности, российско-украинский конфликт, НАТО, международные отношения, концепция стратегического сдерживания.

THE CONCEPT OF HYBRID WARFARE IN THE THEORY AND PRACTICE OF RUSSIAN NATIONAL SECURITY

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the concept of hybrid warfare as a political and managerial phenomenon that has gained particular relevance amid modern geopolitical challenges. The author views hybrid warfare not only as a form of indirect confrontation between states but also as a multi-level project that includes strategic planning, resource assessment, analysis of the opponent's strengths and weaknesses, as well as consideration of stochastic factors in international politics. Special attention is given

to the role of informational, subversive, and economic methods used as instruments of «soft power» to influence political processes in other states. Using Russian-Ukrainian relations as an example, the article demonstrates how elements of hybrid strategy — information campaigns, economic pressure, electoral influence, and the strengthening of defense capabilities — can transform into a larger-scale military confrontation. It is emphasized that, within the Russian security concept, hybrid warfare is perceived as a means of strategic deterrence aimed at preventing threats to national sovereignty. The study concludes that hybrid methods are becoming an integral part of the contemporary foreign policy practices of major powers and significantly affect the balance of power in international relations.

Keywords: *hybrid war, national security, concept of national security, Russian-Ukrainian conflict, NATO, international relations, concept of strategic deterrence.*

В современном мире концепция гибридной войны приобретает всё большую актуальность и политический смысл. В условиях нарастающих геополитических вызовов и угроз национальной безопасности гибридная война представляет собой способ и форму защиты национальных интересов государства в мировой политике. Это не только военно-политический, но и политологический концепт, основанный на системе взаимодействия властных акторов и государственных институтов, действующих скоординированно с единой целью и общими задачами.

Рассматривая гибридную войну как управленческий проект, нужно отметить, что ее формирование напрямую связано с объемом целей и задач, которые возникают в конкретный политический момент в международной политике. При этом, поскольку она сама по себе не является военизированным конфликтом в прямом смысле этого слова, гибридная война проектируется с учетом ряда особенностей объекта, в отношении которого ведется. Исследователи полагают, что с управленческой и политической точек зрения она должна учитывать как сильные и слабые стороны объекта, на который планируется воздействие, так и непосредственно сильные и слабые стороны актора, планирующего достижение целей, а также возможности и угрозы, которые могут возникнуть в ходе реализации поставленных военно-политических задач [1, с. 113]. Считается, что проектирование плана такой войны должно учитывать не только объективные и реальные политические условия текущего момента, но и стохастические (вероятностные, неопределенные) факторы политики [2].

Под *стохастическими факторами* нужно понимать потенциальные, а также реальные, случайные политические факторы и события, которые могут вырастать из актуальных условий. Полноценный план ведения гибридной войны должен учитывать элементы внезапных факторов, которые могут коренным образом повлиять на достижение поставленных целей и задач. Для этого необходимо подробно и детально проанализировать эмерджентные свойства политической системы оппонента и подготовить серию контрмер, способных нивелировать случайные и дополнительные вводные.

По мнению специалистов, процесс проектирования гибридной войны включает в себя несколько этапов. *Первый этап* заключается в определении ее *стратегической цели*, которую планируется достигнуть по итогам кампании. На *втором этапе* актор должен уточнить *задачи*, которые необходимо достичь, а также временные рамки реализации проекта. Иначе говоря, первые этапы разработки плана посвящены созданию *стратегии и тактике* гибридной войны.

Важно отметить, что «гибридный» конфликт может быть растянут во времени и может использоваться ситуационно в зависимости от того, какую стратегическую цель ставит субъект политики. На *третьем этапе* выясняются *методы и способы* достижения целей в соотношении с имеющимися, а также с теми потенциальными ресурсами, которые можно будет использовать в будущем. *Четвертый этап* включает в себя *расчет* сильных и слабых сторон противника, *изучение* собственных сильных и слабых сторон, а также упомянутый выше анализ возможностей и угроз, которые могут появиться в ходе потенциального невоенного конфликта. Наконец, на *финальном — пятом — этапе* политическими акторами принимается решение об *исполнении разработанного плана* [3, с. 20].

В XXI веке концепция гибридной войны стала одной из особых категорий для исследования современных международных отношений. Она отражает переход мировой политической системы от классического межгосударственного противоборства к более сложным, многоуровневым и гибким формам давления, в которых военные инструменты играют далеко не первостепенную роль. В своей сущности гибридная война представляет собой комбинированное использование различных средств влияния — политических, экономических, информационных, кибернетических и частично военных — с целью достижения стратегических целей без прямого применения полномасштабной силы.

Очень важна ее способность адаптироваться к быстро меняющимся международным условиям. В отличие от традиционных военных кампаний, где имеется четкое разделение фронтов, сторон и методов, гибридная война действует в «серой зоне» между миром и войной [4, с. 123], предполагая скрытность, гибкость, многоходовые стратегии и возможность отрицания причастности актора к происходящим событиям. Это делает ее методы удобными для государств, стремящихся минимизировать политические риски и избегать прямых санкций или международного осуждения.

В рамках гибридной войны особое значение имеет информационное пространство, рассматриваемое как полноценное поле боя, на котором формируются общественное мнение, политические предпочтения и легитимность власти. Государства, использующие гибридные методы, стремятся создавать, корректировать или подрывать нарративы, которые определяют восприятие основных международных процессов. Таким образом, информационное

воздействие становится базисом для последующих политических и экономических шагов.

Гибридная война тесно связана с развитием технологий, — в ней социальные сети играют такую же важную роль, как и киберинструменты. Современные кибероперации, вмешательство в инфраструктуру, атаки на цифровые системы управления могут продемонстрировать эффект, сопоставимый с традиционными военными действиями, зачастую оставаясь незаметными или труднодоказуемыми. Именно сочетание гибкости, многоуровневости и технологичности делает гибридную войну одним из наиболее значимых концептов современной политической науки.

* * *

Применительно к российской политической реальности, концепция гибридной войны носит превентивный характер. Иначе говоря, подразумевается, что Россия начинает гибридный политический конфликт в качестве меры, которая должна остановить возможную агрессию страны-противника. Надо отметить, что аналогичным образом действуют и другие крупные геополитические державы, например, Китай, концепция национальной безопасности которого предполагает использование информационных войн, экономического давления, «мягкой силы» и диверсий в сопредельных государствах взамен прямому военному вмешательству. Последнее, к слову, является крайней мерой, применяемой в случае угрозы государственному суверенитету страны. При этом гибридная война запускается при необходимости достижения иных задач государственной безопасности или иных национальных целей. Примерно так же выглядит концепция национальной безопасности России [5, с. 42], согласно которой гибридная война облечена в форму «стратегического сдерживания» ее оппонентов.

Под стратегическим сдерживанием в контексте гибридной войны стоит понимать комплекс военно-политических мер, принимаемых государством для упреждения влияния на геополитическое положение страны. Во внешней политике России обычно стратегическое сдерживание подразумевает сумму мер и действий, направленных на нераспространение НАТО на Восток [6].

Стратегия гибридной войны — неотъемлемая часть военного сдерживания. При этом гибридная война может являться не только политической, но и непосредственно военной мерой. Ярким примером того, как она трансформируется в непосредственный конфликт, можно назвать противостояние России и Украины, которое изначально воспринималось как исключительный акт стратегического сдерживания, однако на последующих этапах под влиянием целого ряда объективных и исторических факторов превратилось в вооруженное противостояние.

Как мера по реализации стратегического сдерживания концепция гибридной войны включает в себя целую систему мер и механизмов, направленных на защиту национальных интересов в конкретный исторический момент.

Исследователи, занимающиеся изучением гибридных войн, замечают, что стоит выделять информационную, диверсионную, а также военную деятельность [7, с. 214].

Применительно к военным методам акцентируется внимание на том, что такая деятельность носит опосредованный характер, то есть государство не вступает в прямой военный конфликт, а напротив, действует с помощью прокси-сил, решающих конкретные военные задачи. Что же касается информационных методов, то заметим, что в рамках гибридной войны государство обычно приступает к масштабной информационной кампании на территории другой страны, фактически реализуя стратегию информационной войны. Наконец, под диверсионной деятельностью здесь понимается лоббизм национальных интересов страны в политических партиях или государственных институтах другого государства.

Таким образом, государство, начиная гибридную войну, должно реализовывать целую систему политических мер, направленных на прямое взаимодействие с населением страны, а также с ее элитами, желательно исключая военно-политические средства влияния. Применение последних возможно в том случае, если прямая работа с государственно-политическими институтами, а также с населением не привела к решению поставленных целей и задач.

При рассмотрении гибридной войны в качестве военно-политического проекта, направленного на достижение политических целей, нужно иметь в виду, что в современном мире непосредственно под информационной войной подразумевается распространение ключевых идеологических нарративов, имеющих политическое значение и способных повлиять на курс государственной политики в конкретный момент. В век информационных технологий информационная война осуществляется с помощью всех имеющихся инструментов «мягкой силы»: телевидения, социальных сетей, кино, музыки, литературы, искусства и других доступных средств коммуникации.

Отдельно скажем о влиянии новых медиа и мессенджеров, которые де-факто выступают важными каналами коммуникации в информационных обществах, иными словами, имеют возможность самым непосредственным образом влиять на общественное мнение в ключевых вопросах политики. Сегодня медиаплатформы выступают площадкой для информационной войны, где крупные ресурсы с государственной поддержкой могут продвигать нужную повестку и соответствующие нарративы [8, с. 11].

Специалисты подчеркивают важность проведения контрмер в том случае, если государство реализует концепцию гибридной войны. Здесь под контрмерами обычно понимается либо полное или частичное ограничение соответствующих коммуникационных платформ, либо запрет на распространение информации отдельными блогерами, лидерами мнений и СМИ, либо признание информационных ресурсов нежелательными с введением соответствующих санкций. То есть, в случае реализации информационной стратегии в гибридной войне необходимо как можно оперативнее

распространять главные национальные нарративы, предварительно ограничив врага в собственном информационном пространстве, подготовив под эти решения необходимую правовую базу. В итоге таких маневров у институтов государственной власти появляется возможность применения мер, которые может использовать объект воздействия [9, с. 19].

В контексте российско-украинского конфликта как части общей гибридной войны основной нарратив, распространяемый в украинском информационном поле российской стороной, сводился к недопущению вступления Украины в НАТО. То есть российское государство пыталось сформировать в общественном сознании украинцев мнение, согласно которому Россия и Украина должны быть дружественными государствами-партнерами и оставаться нейтральными по отношению к военно-политическим блокам и союзам. С 2008 года Россия последовательно продвигает подобную позицию, выводя ее не только в государственных СМИ, но и в дискурсе государственно-политических институтов. Эта позиция сохраняется и после смены политического режима на Украине в 2013 году: Россия продолжает воздействовать на украинское общество нарративами «мягкой силы», призывая украинское государство отказаться от идеи вступления в НАТО. Указанная тактика ведения гибридной войны принесла свои плоды — фактически до 2019 года именно нарратив о дружеских отношениях двух стран де-факто служил главным сдерживающим фактором на пути Украины в НАТО, пока в феврале того же года украинское политическое руководство не приняло поправки в Конституцию о стратегическом курсе вступления страны в НАТО и Европейский союз [10, с. 263–267].

Применительно к украинской проблеме нужно выделить электоральный и экономический треки начиная с 2002 года. По отношению к электоральным диверсионным действиям можно говорить о попытках России повлиять на исход выборов президента Украины, которые фактически увенчались успехом, но уже начиная с 2004 года: благодаря всё тому же нарративу об общности России с юго-востоком Украины президентские выборы де-факто выиграл В. Янукович. Позднее, благодаря диверсионным контрмерам и ответной информационной кампании на Украине был организован первый «майдан», аннулировавший результаты легитимного голосования и приведший к власти В. Ющенко.

Далее Россия продолжала воздействовать на Украину финансово-экономическими инструментами, регулярно повышая или снижая цены на энергоресурсы в зависимости от ее политической ориентированности в сторону НАТО. Это в конечном счете привело к двум «газовым войнам»: в 2005–2006 и в 2008–2009 годах. Кроме того, Россия продолжала сдерживать намерение Украины вступить в НАТО посредством влияния на электоральную обстановку в стране, что привело к победе на выборах всё того же В. Януковича в 2009 году [11, с. 3–20].

Однако, ситуация резко усугубилась в результате ответных контрмер противника, которые привели к новому «майдану» и смене политического режима, что поставило под вопрос эффективность попыток воздействия на объект исключительно «мягкой силой». По итогам «майдана» пришлось полностью диверсифицировать отношения с Украиной, разделив их на два блока: военный и политический. С этого момента Россия, защищая свои национальные интересы, начала более активно готовиться к военной конфронтации с Украиной и НАТО, реализуя ключевую цель стратегического сдерживания военного альянса.

По отношению к военному блоку задача России сводилась к необходимости подготовить политические и экономические институты к возможному военному противостоянию с Украиной. Начиная с 2014 года перед Россией встала задача модернизации вооруженных сил и всех имеющихся родов войск, а также их адаптации к условиям современных военных конфликтов. Здесь оказалась крайне важной антитеррористическая кампания в Сирии, продолжавшаяся с 2015 по 2019 год. Она позволила адаптировать вооруженные силы России под реалии войны XXI века.

Исследователи, занимающиеся изучением военных конфликтов, отмечают, что именно в ходе сирийской кампании Россия впервые начала применять разведывательные, а также ударные БПЛА, которые впоследствии оказали и ныне оказывают существенное влияние на ход боевых действий в конфликте на Украине. Наконец, помимо военной и политической части, гибридная война в период с 2014 по 2022 год сводилась к подготовке российской экономики к возможным санкциям. В том числе и для этого проводилась политика снижения нефтегазовых доходов в федеральном бюджете при росте фискальных доходов государства. То есть происходила структурная перестройка экономики, направленная на защиту национального суверенитета в случае прямой военной угрозы [12, с. 410].

В настоящее время концепция гибридной войны, изначально взятая на вооружение Россией в качестве метода косвенного влияния на противника, переформатировалась и стала частью ее оборонной доктрины. Если в начале 2000-х годов Россия пыталась достичь целей национальной безопасности невоенными методами, то к 2022 году объективные исторические и политические условия вынудили политическое руководство страны использовать гибридную войну как один из методов ведения военных действий. Можно констатировать, что она доказала свою эффективность.

Во-первых, применительно к российско-украинским отношениям, достигнута важная цель: Украина готова де-юре отказаться от участия страны в НАТО, в то время как НАТО готова заморозить вопрос о вступлении Украины в альянс. Кроме того, гибридная война России против Украины позволила существенно снизить экономический, политический, военный и демографический потенциал соседней страны, что является непосредственным отражением концепции стратегического сдерживания. Сегодня даже

с учетом текущих реалий эксперты считают, что украинской государственности потребуются десятилетия для того, чтобы получить возможность вновь противостоять России и являться для нее угрозой национальной безопасности.

Во-вторых, стратегия гибридной войны оправдала себя применительно к отношениям России и НАТО, устремившейся к расширению после 1996 года. Сегодня НАТО отказывается от расширения на Восток — руководство организации приняло решение изменить формат отношений с Украиной, сделав из нее государство-буферную зону без прямого военного и политического контроля над территорией.

Наконец, в-третьих, стратегия гибридной войны позволила России укрепить оборонный потенциал страны и подготовить необходимые условия для ведения успешных боевых действий, сохранив суверенитет во внешней политике и возможность взаимодействовать с ключевыми акторами международных отношений.

Список литературы

1. Бартош А.А. Парадигма гибридной войны // Вопросы национальной безопасности. 2023. № 15. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.3.20815 EDN: YRGVON.
2. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 416 с.
3. Герасимов В.В. Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны // Вестник Академии военных наук. 2016. № 2(55). EDN: ZMVTPR.
4. Кокошин А.А. Взаимодействие политики и военной стратегии: теоретические и прикладные вопросы // Вопросы философии. 2014. № 10. EDN: SWESPH.
5. Белозеров В.К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: сборник материалов международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М., 2023. EDN: XGANTD.
6. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2> (дата обращения: 11.11.2025).
7. Тишкин Д.Н., Крицкая А.А. Анализ генезиса угроз, продуцируемых сочетанием организованной преступности, терроризма и «цветных революций» в едином механизме гибридной войны и возможные политико-правовые меры по их нейтрализации // Философия права. 2022. № 4(91). EDN: WXQUWZ.
8. Бартош А.А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века. М., 2023.
9. Демидов А.В. Стратегия «управляемого хаоса» как одно из проявлений политики «гибридных войн» // Геополитический журнал. 2015. № 2. EDN: TSGTUN.
10. Кочетков В.В. Культурное измерение гибридных войн // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. EDN: WBORKP.

11. Манойло А.В. Гибридизация современной мировой политики и национальная безопасность Российской Федерации // Геополитический журнал. 2017. № 1(17). EDN: YUUKJE.
12. Багдасарян В.Э. Россия — Запад: цивилизационная война. М.: Форум, 2024.

References

1. Bartosh AA. Paradigma gibridnoi voiny. *Voprosy bezopasnosti*. 2017;(3). (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7543.2017.3.20815 EDN: YRGVOH.
2. Kaldor M. *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Transl. from English A. Appolonova, M. Dondukovskogo. Ed. transl. A. Smirnov, V. Sofronov. Moscow: Gaidar Institute Press; 2019. (Russian translation).
3. Gerasimov VV. The Russian Federation Defense Organization in the Conditions of the Enemy Application the Traditional and «Hybrid» Methods of the War Fighting. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. 2016;(2). (In Russ.). EDN: ZMVTPR.
4. Kokoshin AA. Interaction and Mutual Influence of Politics and Military Strategy; Theoretical and Applied Questions. *Voprosy filosofii*. 2014;(10). (In Russ.). EDN: SWESPH.
5. Belozеров VK. Protivostoyanie global'nykh proektov kak osnovnoe sodержanie sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii. *Sovremennaya Rossiya v mirovom politicheskom protsesse: global'noe i regional'noe izmerenie: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Eds. AYA. Kasyuka, IK. Kharichkina. Moscow: Moscow State Linguistic University Publ.; 2019. (In Russ.). EDN: XGANTD.
6. Decree of the President of the Russian Federation № 400 of 2 July 2021. «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii». Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed: 11 November 2025). (In Russ.).
7. Tishkin DN., Kritskaya AA. Analysis of the Genesis of Threats Produced by a Combination of Organized Crime, Terrorism and «Color Revolutions» in a Uniform Hybrid War Mechanism and Possible Political and Legal Measures to Their Neutralize. *Filosofiya prava*. 2022;(4). (In Russ.). EDN: WXQUWZ.
8. Bartosh AA. *Tuman gibridnoi voiny. Neopredelennosti i riski konfliktov XXI veka*. Moscow; 2023. (In Russ.).
9. Demidov AV. Strategiya «upravlyаемого khaosa», kak odno iz proyavlenii politiki «gibridnykh voyn». *Geopoliticheskii zhurnal*. 2015;(2). (In Russ.). EDN: TSGTUH.
10. Kochetkov VV. The Cultural Dimensions of Hybrid Wars. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2015;(4). (In Russ.). EDN: WBORKP.
11. Manoilo AV. Hybridization of Modern World Politics and National Security of the Russian Federation. *Geopoliticheskii zhurnal*. 2017;(1). (In Russ.). EDN: YUUKJE.
12. Bagdasaryan VE. *Rossiia — Zapad: tsivilizatsionnaya voina*. Moscow: Forum; 2024. (In Russ.).